

Памяти Терри Хансена и Фрэнка Моргана

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Свидетель обвинения
1992

ГЛАВА 1

Все лгут.

Копы лгут. Адвокаты лгут. Свидетели лгут. Жертвы лгут.

Суд — чемпионат по лжи. И все давно об этом знают. Даже присяжные. Они приходят на работу, зная, что им будут лгать. Садятся на свою скамью, готовясь услышать ложь.

Если ты на стороне защиты, главное — терпеть. Терпеть и ждать. Дело адвоката — вцепиться в ложь и ковать ее, как раскаленное железо, из которого делают клинок. Острое как бритва лезвие, чтобы распороть брюхо и перерезать глотку обвинению.

Моя работа — ковать сталь и точить клинок. И пускать его в ход, без жалости и снисхождения. Я — остров правды среди моря лжи.

ГЛАВА 2

Шел уже четвертый день процесса — он проходил в 109-м отделении уголовного суда, в деловом центре города, — когда ко мне в руки попала эта ложка, острая, как дамаскская сталь. Моего клиента, Барнетта Вудсона, обвиняли в двух убийствах, и он на всех парах мчался к маленькой железной камере в тюрьме Сан-Квентин, где вены осужденных всаживают самую крепкую на свете дурь.

На Вудсоне, двадцатисемилетнем торговце наркотиками из Комптона, висели ограбление и смерть двух студентов из Вествуда¹. Парни собирались купить у него кокаин, но он предпочел забрать деньги и пальнуть в них из обрезка. Так, по крайней мере, считал прокурор. Преступление было черно-белого цвета, и это не шло Вудсону на пользу, особенно после того, как четыре месяца назад расовые волнения едва не разорвали город пополам. Но больше всего он испортил дело тем, что попытался избавиться от трупов, утопив их в Голливудском водохранилище. Они провалялись там четыре дня, пока не всплыли наверх, словно яблоки в бочке. Гнилые такие яблочки. Мысль, что все это время трупы разлагались в главном городском источнике питьевой воды, вызвала у жителей приступ тошноты. Когда Вудсона вычислили по телефонным звон-

¹ *Вествуд* — коммерческий и жилой район, в котором находится Калифорнийский университет Лос-Анджелеса.

кам и арестовали, общественная ярость обрушилась на него как ураган. Окружной прокурор заявил, что требует высшей меры.

Однако дело против Вудсона не было таким уж бесспорным. Оно строилось в основном на косвенных уликах — записях телефонных разговоров и свидетельствах людей, которые сами являлись уголовниками. В центре всей этой компании стоял главный свидетель обвинения — Рональд Торренс. Он уверял, будто Вудсон сам признался ему в убийстве.

Торренс был соседом Вудсона по центральной городской тюрьме. Оба сидели в специальном блоке, состоявшем из шестнадцати одиночных камер, расположенных в два яруса и выходивших во внутренний дворик. Все шестнадцать заключенных в этом блоке были чернокожими согласно сомнительной, но повсеместно принятой тактике «безопасной сегрегации», по которой арестантов разделяли по бандам и по цвету кожи, чтобы избежать агрессии и стычек. Торренса обвиняли в ограблении и физическом насилии с отягчающими обстоятельствами: результат его участия в грабежах во время бунта. Заключенные спецблока с шести часов до половины седьмого вечера могли выходить во дворик, где ели, играли в карты и проводили время под присмотром охранников, сидевших в стеклянной кабинке наверху. По словам Торренса, как раз за одним из карточных столов мой клиент признался ему в убийстве двоих вествудских парней.

Обвинение старалось в наилучшем виде подать Торренса присяжным, среди которых было всего трое чернокожих. Когда на четвертый день процесса Вудсона привезли в суд, он был чисто выбрит, коротко подстрижен (от косичек пришлось избавиться) и облачен в светло-голубой костюм без галстука. Во время допроса, который вел

представитель обвинения Джерри Винсент, Торренс сообщил о разговоре, якобы состоявшемся между ним и Вудсоном во время игры в карты. Он заявил, что Вудсон не только признался ему в убийствах, но и описал преступление в подробностях. Присяжным намекали, что только истинный убийца мог знать все эти детали.

В суде Винсент держал Торренса на коротком поводке, задавая ему длинные вопросы и получая лаконичные ответы. Вопросы эти были настолько пространными и многословными, что могли сойти за наводящие. Я не стал протестовать, хотя судья Компаньони бросал на меня удивленные взгляды, ожидая, что я вот-вот вскочу с места. Но я молчал, считая, что мне это на руку. Пусть присяжные видят, что вытворяет обвинение. Я просто сидел и ждал, держа за пазухой свой нож и предоставив Торренсу болтать все, что хочет.

Винсент закончил только к одиннадцати часам, и судья спросил, не хочу ли я перекусить, прежде чем приступить к перекрестному допросу. Я отказался — перерыв мне ни к чему. При этом состроил такую гримасу, словно мне было тошно от одной мысли, что придется тянуть с этим парнем еще лишний час. Я встал и направился к кафедре, прихватив с собой толстую папку с документами и блокнот.

— Мистер Торренс, меня зовут Майкл Холлер. Я государственный защитник и представляю интересы Барнетта Вудсона. Мы встречались с вами раньше?

— Нет, сэр.

— Конечно нет. Зато с моим подзащитным, мистером Вудсоном, вы знакомы очень хорошо, не так ли?

Торренс презрительно усмехнулся. Я хорошо поработал над его биографией и прекрасно знал, с кем имею дело. Ему было тридцать два года, из которых треть он провел в колониях и тюрьмах. Школу бросил в четвертом

классе — просто перестал ходить на уроки, на что его родителям, видимо, было наплевать. По «закону о трех преступлениях»¹ ему грозило пожизненное заключение за грабеж и избиение работницы в прачечной-автомате. Произошло это во время трехдневной волны бунтов и насилия, прокатившейся по городу, когда суд оправдал четырех белых полицейских, убивших чернокожего Родни Кинга за то, что он припарковался в неполюженном месте. Короче говоря, у Торренса были очень веские причины, чтобы помочь суду «утопить» Барнетта Вудсона.

— Мы познакомились с ним несколько месяцев назад, — ответил Торренс. — В спецблоке.

— Вы сказали «в спецблоке»? — произнес я, прикинувшись дурачком. — Это какое-то особое подразделение или военный отряд?

— Нет, специальный блок.

— Речь идет о тюрьме?

— Ну да.

— Вы хотите сказать, что ранее не были знакомы с Барнеттом Вудсоном? — В моем тоне звучало удивление.

— Нет, сэр. Мы встретились в тюрьме.

Я сделал в блокноте пометку, словно услышал важное признание.

— Что ж, тогда давайте посчитаем, мистер Торренс. Когда Барнетта Вудсона перевели в спецблок, вы уже давно сидели там — точнее, с пятого сентября этого года. Верно?

— Да, я помню, как его привезли.

— А почему вы сами попали в спецблок?

¹ «Закон о трех преступлениях» («законы трех страйков») — принятые на уровне штатов в США законодательные акты, согласно которым нарушитель, совершивший преступление в третий раз, получает длительный срок тюремного заключения.

Винсент заявил протест, сославшись на то, что данная тема уже обсуждалась на допросах. Я возразил, что хочу составить более полное представление о причинах ареста Торренса. Судья Компаньони отклонил протест и велел Торренсу ответить на вопрос.

— Я уже сказал — меня обвиняют в ограблении и физическом насилии.

— Речь идет о событиях, происходивших во время волнений в городе, не так ли?

Учитывая антиполицейские настроения, распространившиеся после беспорядков в городе, при отборе присяжных я старался набрать как можно больше коричневых и черных. Но сейчас у меня появился шанс повлиять на тех пятерых белых, которые все-таки затесались в их состав. Пусть они знают, что главный свидетель обвинения участвовал в тех бесчинствах, которые они видели по телевизору.

— Да, я находился там, как и все, — ответил Торренс. — Копы в этом городе совсем распоясались.

Я кивнул, делая вид, будто соглашаюсь.

— И свой протест против незаконного вердикта в деле Родни Кинга вы выразили тем, что ограбили шестидесятидвухлетнюю женщину и до полусмерти избили ее железной крышкой от мусорного бака? Я вас правильно понял, сэр?

Торренс покосился на столик Винсента и на своего адвоката, сидевшего в первом ряду на галерее. Не знаю, обсуждали ли они заранее, как отвечать на подобный вопрос, но сейчас никто не мог помочь Торренсу.

— Я такого не делал, — проговорил он наконец.

— Выходит, вы не совершали того, в чем вас обвиняют?

— Ну да.

— А как насчет грабежей? Вы не занимались мародерством во время беспорядков?

Снова пауза и взгляд на адвоката.

— Тут я по Пятой поправке¹.

Чего и следовало ожидать. Потом я задал серию вопросов, специально составленных так, что Торренсу приходилось либо признавать себя виновным в преступлениях, либо отказываться отвечать со ссылкой на Пятую поправку. Наконец после пятого или шестого раза судье надоело слушать одно и то же, и он потребовал, чтобы я вернулся к делу. Я нехотя повиновался.

— Ладно, с вами пока все ясно, мистер Торренс. Вернемся к мистеру Вудсону. Вы знали подробности дела до того, как встретили мистера Вудсона в тюрьме?

— Нет, сэр.

— Уверены? В то время о нем много говорили.

— Нет, я же сидел в тюрьме.

— А что, там нет газет или телевизора?

— Газет я не читаю, а телевизор постоянно не работает. Мы возмущались, и нам обещали, что его починят, но ни хрена не починили.

Судья попросил свидетеля следить за своей речью, и тот извинился. Я продолжил:

— Согласно тюремным документам, мистер Вудсон прибыл в специальный блок пятого сентября, а в материалах следствия сказано, что уже второго октября вы сообщили прокурору о сделанном вам признании. Правильно?

— Да.

— А вот мне так не кажется, мистер Торренс! Вы пытаетесь убедить суд, будто преступник, совершивший два убийства и находившийся под угрозой смертной казни, признался в этом человеку, которого знал менее четырех недель?

¹ Имеется в виду отказ давать показания, ссылаясь на Пятую поправку к Конституции США.

Торренс пожал плечами:

— И такое иногда случается.

— Неужели? Скажите, сколько скостит вам обвинение, если мистер Вудсон будет осужден?

— Не знаю. Мне никто ничего не обещал.

— С учетом вашего послужного списка и новых обвинений вам грозит лет пятнадцать тюрьмы.

— Мне ничего не известно.

— Неужели?

— Да, сэр. Этим занимается мой адвокат.

— А он вам не говорил, что если вы не предпримете кое-каких шагов, то можете надолго оказаться за решеткой?

— Нет, не говорил.

— Ну еще бы. Что вы попросили у прокурора в обмен на свидетельские показания?

— Мне ничего не нужно.

— Выходит, вы стали свидетелем только из чувства гражданского долга?

Лишь глухой не расслышал бы сарказма в моем голосе.

— Именно так, — с оскорбленным видом произнес Торренс.

Я поднял толстую папку с материалами дела.

— Узнаете эту папку, мистер Торренс?

— Нет. По крайней мере, я ее не помню.

— Вы уверены, что не видели ее в камере мистера Вудсона?

— Я никогда не был в его камере.

— Значит, вы не проскользнули к нему в тот момент, когда он находился на прогулке или в душе, и не заглянули в его дело?

— Нет.

— Мой клиент держал в камере много документов. В них содержались те самые подробности, о каких вы

упоминали сегодня утром. Вам не кажется это подозрительным?

Торренс покачал головой:

— Нет. Знаю то, что он рассказал мне за столом. Ему было плохо, и он выложил все как на духу. Я не виноват, что внушаю людям доверие.

Я кивнул, как бы сочувствуя нелегкой судьбе Торренса, которому все признаются в чем попало — даже в двойных убийствах.

— Конечно, вы не виноваты, мистер Торренс. Вы можете сообщить присяжным, что именно он вам сказал? Только не используйте шпаргалку, по которой отвечали мистеру Винсенту. Я хочу услышать точные слова моего клиента.

Торренс помолчал, словно пытался собраться с мыслями.

— Ну, мы там сидели, каждый сам по себе, а потом он начал говорить, как ему плохо из-за того, что он сделал, и я спросил: «А что ты сделал?» — и он рассказал мне про ту ночь, как убил двух парней, и что теперь его это гложет.

Правда лаконична. Ложь многословна. Я хотел, чтобы Торренс отвечал мне длиннее, не так, как Винсенту. У тюремных стукачей есть много общего с мошенниками и аферистами. Они врут вам в глаза, а сами посмеиваются втихомолку. Их задача — напустить побольше туману. Но во всей болтовне нередко можно найти зацепку, которая выведет их на чистую воду.

Винсент снова заявил протест — на том основании, что свидетель уже отвечал на все эти вопросы и я просто хочу вывести его из равновесия.

— Ваша честь, — возразил я, — свидетель буквально вкладывает признание в уста моего клиента. С точки зрения защиты, на этом строится обвинение. Если мы не су-

меем всесторонне изучить смысл и содержание столь важных показаний, нам останется лишь распустить присяжных.

Судья Компаньони одобрительно кивнул еще прежде, чем я успел закончить фразу. Он отклонил протест Винсента и попросил меня продолжить. Я повернулся к свидетелю и нетерпеливо произнес:

— Мистер Торренс, вы уклоняетесь от ответа. Вы утверждаете, будто мистер Вудсон признался вам в убийствах. Сообщите присяжным, что именно он вам сказал. В каких конкретно словах выражалось его признание?

Торренс усмехнулся с таким видом, словно до него только сейчас дошел смысл моего вопроса.

— Ну, сначала он сказал мне: «Черт, я ужасно себя чувствую». А я спросил: «В чем дело, братишка?» Он ответил, что постоянно думает о тех двух парнях. Я не понял, о ком речь, — я же говорил, что ни слова не слышал об этом деле. Поэтому спросил: «Что за парни?» — а он ответил: «Два ниггера, которых я утопил в водохранилище». Я продолжал расспрашивать, и он рассказал, как убил обоих из обреза, потом завернул их в проволочную сетку и так далее. Он заявил: «Я сделал большую ошибку», и я заинтересовался какой. Он ответил: «Надо было взять нож и распороть им животы, чтобы они не могли всплыть на поверхность».

Краем глаза я заметил, что Винсент поморщился во время ответа Торренса. Ясно почему. Мой клинок был наготове.

— Мистер Вудсон использовал именно это слово? «Ниггеры»?

— Да.

Я выдержал паузу, стараясь точно сформулировать свой следующий вопрос. Понимал, что Винсент выступит с протестом, как только я дам ему повод. Я не мог попр-

свить Торренса истолковать слова моего клиента. Спрашивать о мотивах признания Вудсона тоже было нельзя. Винсент сразу бы за это уцепился.

— Мистер Торренс, среди людей с черным цветом кожи слово «ниггер» может иметь разные значения, не так ли?

— Вроде того.

— Это значит «да»?

— Да.

— Мой подзащитный афроамериканец?

Торренс рассмеялся:

— Похоже на то.

— Как и вы сами?

Снова смех.

— С тех пор, как родился.

Судья стукнул молоточком по столу и повернулся ко мне:

— Мистер Холлер, это необходимо?

— Простите, ваша честь.

— Продолжайте.

— Мистер Торренс, когда мистер Вудсон использовал это слово, вы были шокированы?

Торренс потер подбородок, как бы раздумывая над ответом, и покачал головой:

— Нет.

— Почему вас не шокировало, мистер Торренс?

— Наверное, потому, что я слышу это каждый день.

— От других черных?

— Ага. И от белых тоже.

— Хорошо. Когда черные используют данное слово — как, например, мистер Вудсон, — кого они имеют в виду?

Винсент возразил, заявив, что Торренс не может разъяснять слова другого человека. Компания поддержал протест, и я помолчал, размышляя, как иначе получить желаемый ответ.

— Ну хорошо, мистер Торренс. Давайте поговорим о вас. Вы когда-нибудь употребляли это слово?

— Бывало.

— И когда вы его употребляли, о ком шла речь?

Свидетель пожал плечами:

— О других парнях.

— О черных парнях?

— Ну да.

— А вы когда-нибудь называли ниггерами белых?

Торренс покачал головой:

— Нет.

— Прекрасно. Когда Барнетт Вудсон сообщил, что утопил в водохранилище двух ниггеров, что вы подумали об этих людях?

Винсент шевельнулся, словно собираясь заявить протест, но промолчал. Видимо, сообразил, что бесполезно. Я держал Торренса на крючке.

— Я подумал, что они черные и он их убил, — произнес Торренс.

Винсент опять пошевелился и обмяк в кресле, будто пришел к выводу, что приглашать заключенного-стукача в качестве свидетеля не самая лучшая идея.

Я взглянул на судью Компаньони. Тот уже знал, что произойдет дальше.

— Ваша честь, можно подойти к свидетелю?

— Подойдите, — разрешил судья.

Я приблизился к свидетельской трибуне и положил «дело» перед Торренсом. Это была большая потрепанная папка бледно-оранжевого цвета — в тюрьмах такие используют для хранения бумаг, которые заключенные имеют право держать у себя в камере.

— Итак, мистер Торренс, вот документы. Адвокаты передали их мистру Вудсону в тюрьме. Я еще раз спрашиваю — вы узнаете их?

— В спецблоке было много всяких папок. Не помню, видел ли я именно эту.

— Вы хотите сказать, что никогда не встречали мистера Вудсона с этой папкой?

— Точно не помню.

— Мистер Торренс, вы в течение тридцати двух дней находились с мистером Вудсоном в одном блоке. По вашим словам, он признался вам в двух убийствах. И вы никогда не видели его с данной папкой?

Мои вопросы загнали его в угол. Я терпеливо ждал. Если он продолжит уверять, будто никогда не видел папку Вудсона, то скомпрометирует себя и свои показания в глазах присяжных. А если признается, что все-таки видел документы, я вцеплюсь в него мертвой хваткой.

— Я видел его с этой папкой, но никогда не заглядывал внутрь.

Все. Попался.

— Ну, тогда сделайте это сейчас.

Торренс повиновался и стал листать бумаги. Я вернулся к трибуне и взглянул на Винсента. Тот сидел бледный, с опущенной головой.

— Что вы видите в деле, мистер Торренс?

— Вижу на фотографиях два трупа на земле. Они прошиты скобами... я имею в виду — фото. Дальше — разные отчеты и документы.

— Вы можете прочитать самый первый документ? Хотя бы несколько строчек.

— Нет.

— Вы не умеете читать?

— Не умею. Я не ходил в школу.

— Попробуйте прочитать хотя бы несколько слов из тех, что написаны возле квадратиков с галочками.

Торренс опустил голову и нахмурил брови. Я знал, что в тюрьме проверяли его способность к чтению и пришли

к выводу, что она находится на самом низком уровне — хуже, чем у первоклассника.

— Не могу. Не получается.

Я быстро подошел к столику защиты и вытащил из портфеля еще папку и большой фломастер. Вернувшись к трибуне, написал на обложке крупными черными буквами: «Белый». Потом поднял папку, показав ее свидетелю и присяжным.

— Мистер Торренс, вот одно из слов, написанных в первом документе. Вы можете его прочесть?

Винсент вскочил с места, но Торренс уже покачал головой, чувствуя себя униженным. Обвинитель заявил протест против необоснованной демонстрации, и Компания приняла его. Я это предвидел. У меня уже была готова почва для следующего хода, и я не сомневался, что большинство присяжных заметили, как Торренс покачал головой.

— Хорошо, мистер Торренс, — сказал я. — Вернемся к снимкам. Вы можете описать, что на них изображено?

— Ну, там два трупа. Похоже, копы вытащили их из брезента или провололочной сетки. Вокруг стоят полицейские, делают снимки.

— Какого цвета кожа у лежащих на земле людей?

— Черная.

— Вы когда-нибудь видели снимки раньше, мистер Торренс?

Винсент опять вскочил и возразил, что вопрос задавался раньше. Но это было все равно что пытаться рукой остановить пулю. Судья сухо попросил его сесть на место. Он дал понять обвинителю, что ему остается лишь сидеть и смотреть на происходящее. Если пригласил в свидетели лжеца, то получай по заслугам.

— Отвечайте на мой вопрос, мистер Торренс, — продолжил я, когда Винсент сел. — Вы видели эти фотографии раньше?

- Нет, сэр, только сейчас.
- Вы согласны, что ваши показания совпадают с тем, что на них изображено?
- Да. Но я их раньше не видел, просто так он мне рассказал.
- Уверены?
- Такого не забудешь.
- Вы утверждаете, что мистер Вудсон признался вам в убийстве двух черных, хотя его судят за убийство белых. Может, никакого признания и не было?
- Нет, было. Он сказал, что убил тех двоих.
- Я взглянул на судью:
- Ваша честь, защита просит приобщить к делу данную папку в качестве вещественного доказательства.
- Винсент заявил протест по поводу необоснованности такого шага, но Компаньони отклонил его.
- Досье будет приобщено к делу, а присяжные решат, видел ли раньше мистер Торренс содержимое папки или нет.
- Я решил не упускать момент.
- Спасибо, ваша честь, — поблагодарил я. — Мне кажется, для обвинения сейчас самое время напомнить своему свидетелю об ответственности за дачу ложных показаний.
- Это был неожиданный ход, рассчитанный на симпатию присяжных. Все ждали, что я стану дожимать Торренса, пока не выпотрошу из него все кишки с помощью его собственного вранья. Винсент немедленно встал и попросил сделать перерыв, чтобы проконсультироваться с адвокатом противной стороны.
- Я понял, что спас Вудсону жизнь.
- Защита не возражает, — сказал я Компаньони.

ГЛАВА 3

Когда присяжные ушли, я вернулся к столику защиты, где судебный исполнитель уже надел наручники на моего клиента, чтобы отвести его в камеру при здании суда.

— Тот парень врет как дышит, — шепнул мне Вудсон. — Не убивал я черных. Это были белые.

Я надеялся, что судебный исполнитель не расслышал его слов.

— Может, ты заткнешься? — прошептал я. — Кстати, когда в следующий раз встретишь этого парня в тюрьме, не забудь пожать ему руку. Благодаря его вранью обвинение откажется от высшей меры и пойдет на сделку. Как только что-нибудь узнаю, сразу тебе сообщу.

Вудсон покачал головой:

— А на черта мне теперь сделка? Они взяли в свидетели вруна. Все пошло коту под хвост. Мы сумеем выиграть это дельце, Холлер. Не надо сделки.

Я смерил взглядом Вудсона. Надо же, я только что спас ему жизнь, а он хочет большего. Возмущается, что государство ведет нечестную игру, словно совершенное им убийство не имело никакого значения.

— Не жадничай, Барнетт! — бросил я ему. — Вернусь, когда появятся новости.

Судебный исполнитель повел его к железной двери, за которой находились камеры. Я проследил за ним взглядом. У меня и раньше не возникало иллюзий насчет Бар-

нетта Вудсона. Он ничего не говорил мне прямо, но я знал, что это он убил тех парней из Вествуда. Ну и что? Моя задача — сделать все, чтобы выстроенное против клиента обвинение дало трещину. Так работает система. Я достиг своей цели и получил в руки хорошее оружие. Теперь осталось лишь пустить его в ход, чтобы выбить послабления для Вудсона. Но его мечта совсем отделаться от убитых им парней, почерневших за четыре дня в воде, даже не стояла на повестке дня. Сам он этого не сознавал, зато я, его плохо оплачиваемый и мало ценимый государственный защитник, понимал отлично.

Когда зал опустел, мы с Винсентом взглянули друг на друга.

— Итак... — начал я.

Винсент покачал головой.

— Прежде всего, — заявил он, — хочу сразу прояснить: я не знал, что Торренс лжет.

— Ну конечно.

— Зачем бы я стал портить себе все дело?

Я отмел его возражение взмахом руки.

— Ладно, Джерри, перестань. Я еще до суда говорил, что твой парень стянул папку у моего клиента. Это очевидно. Вудсон никогда бы не стал болтать о подобном с незнакомым человеком, и все это понимали, кроме тебя.

Винсент покачал головой:

— Я не знал, Холлер. Его проверял наш лучший следователь, все было в порядке. Я, конечно, понимаю, что его разговор с твоим клиентом выглядит немного странным, но...

Я издал сухой смешок.

— Не разговор, Джерри. Признание. Есть разница, верно? Лучше подумай, так ли уж хорош твой хваленый следователь, если его работа не стоит и цента.

Коннелли М.

К 64 Пуля для адвоката : роман / Майкл Коннелли ; пер. с англ. В. Соколова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17313-2

Наконец-то дела у адвоката защиты Микки Холлера идут на лад! После двух лет фатального невезения он возвращается в зал суда, чтобы защищать киномагната, обвиняемого в убийстве своей жены и ее любовника. Нет худа без добра, как бы цинично это ни звучало, — Холлер получил крупное, обещающее громкий успех дело «в наследство» от убитого коллеги, голливудского адвоката Джерри Винсента. Обстоятельства его гибели расследует опытный детектив Гарри Босх, при первой же встрече предупреждающий об опасности: Холлера тоже заставят замолчать навсегда и это лишь вопрос времени. И поскольку события разворачиваются стремительно, эти двое одиночек понимают, что выход у них один: работать вместе...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ
ПУЛЯ ДЛЯ АДВОКАТА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Лариса Дорохина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.01.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RB0-25831-01-R